

*Инна
Баринская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив сильных страстей

Две половинки райского яблока
Мужчины любят грешниц

Сериал «Детективный триумвират»
Лучшие уходят первыми
Убийца манекенов
Бородавки святого Джона
Шаги по воде
Лев с ножом в сердце
Свой ключ от чужой двери
Вторая невеста
Девушка сбитого летчика
Ищи, кому выгодно
Потревоженный демон
Стеклянные куклы
Пепел сердца

Сериал «Дикие лебеди»
Магия имени
Голос ангельских труб
Танец на тлеющих углях
Поджигательница звезд
Ритуал прощения врага
Знак с той стороны

Сериал «Королевская охота»
Японский парфюмер
Два путника в ночи
Дом с химерами
Темный ангел одиночества

Сериал «Бюро случайных находок»
Ошибка бога времени
Маятник судьбы
Конец земной истории
Тринадцать ведьм

*Инна
Баринская*

Пепел сердца

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б32

Разработка серии *Ф. Барбышева, А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Бачинская, Инна Юрьевна.

Б32 Пепел сердца : [роман] / Инна Бачинская. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Детектив сильных страстей).

ISBN 978-5-699-92601-5

Федор Алексеев был уверен, что забыл свою институтскую любовь Агнию, которая, не попросившись, вышла замуж за успешного бизнесмена намного старше ее. Однако стоило Агнии спустя пятнадцать лет просто подойти к нему в кафе, как оказалось, что ничего не забыто. Эта встреча и последовавшие за ней тайные свидания всколыхнули в Федоре настолько сильные чувства, что он был готов полностью изменить свою жизнь ради Агнии. Но вскоре он узнал чудовищные новости: муж Агнии получил анонимку с фото, на котором его жена целуется с другим, и убил ее любовника, которым оказался его давний знакомый и почти деловой партнер... Многое в этой истории смущало Федора, и он решил разобраться, что же в действительности произошло. И чем глубже он погружался в это дело, тем лучше понимал, что совсем не знает эту женщину...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92601-5

© Бачинская И.Ю., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Прощальные стихи
На веере хотел я написать —
В руке сломался он.

Басе (1644–1694)

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Пролог

... Человек за письменным столом некоторое время с недоумением рассматривал конверт из плотной бумаги. Обратный адрес был неразборчивым, подпись — незнакомой. Пожав плечами, он разрезал костяным ножичком конверт и достал цветную фотографию. С изумлением узнал на фотографии свою жену с мужчиной! Мужчина стоял вполоборота к зрителю, обнимал женщину за плечи... Они целовались! Ее рука — на щеке мужчины... была у его жены такая манера — при поцелуе гладить по щеке... оказывается, не только мужа.

— Ужин на столе! — услышал он голос жены, появившейся на пороге.

Он вздрогнул и повернулся к ней. Шагнул из-за стола, тыча ей в лицо фотографию. Она вскрикнула и отступила, и тогда он с остервенением ударил ее. Рука у него была тяжелая. Она закричала и отшатнулась.

– Что это? – рявкнул он.

Она смотрела с ужасом, размазывая по лицу кровь.

– Что это, я спрашиваю? Ты... дрянь! Сука! Мужика завела? Убью!

Войдя в раж, он выплевывал страшные ругательства и бил наотмашь. Она закрывалась руками и пыталась увернуться...

ГЛАВА 1

Встреча

Забывать ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забывать ли старую любовь
И дружбу прежних дней?

Р. Бернс.

Забывать ли старую любовь...

В «Белой сове» хороший кофе. Федор Алексеев за-
скакивает сюда по пути в университет. Сейчас лето,
занятий нет, спешить некуда. Турки говорят, кофе дол-
жен быть сладкий, как любовь, и крепкий, как дружба.
И еще чуть-чуть сливок. А потом запить водой, и тогда
долго еще будет сохраняться во рту божественный вкус.

Народу в городе мало, все разъехались. «Сова» поч-
ти пуста. Хотя заведение славится больше как ночной
клуб с классной программой, а днем сюда заскакивают
в основном белые воротнички из окрестных офисов.
Здесь прохладно — работает кондиционер, на потолке
неторопливо кружит лопастями громадный вентиля-
тор, и уютно мигает над стойкой бара телевизор с вы-
ключенным звуком.

Федор отпивает кофе и правит статью «О толерант-
ности и кросс-культурных связях в XXI веке с позиций
философской науки». О толерантности хорошо погово-
рить с друзьями — Савелием Зотовым и капитаном Ко-
лей Астаховым. С первым проще, со вторым сложнее,

так как капитан считает тему розовыми соплями. Соблюдайте закон, говорит капитан, и будет вам толерантность. С маленькой поправочкой: не толерантность, а справедливость. Толерантность — это когда тебе гадят на голову, а ты уговариваешь себя потерпеть, потому что у него было трудное детство.

Савелий Зотов, старинный друг Федора, как было уже упомянуто, трудится главным редактором отдела «дамской» литературы местного издательства «Арт нуво», по убеждениям он гуманист, а по характеру просто добрый человек. У него прекрасная жена и двое детей, Настенька и Герман.

Капитан Астахов же, бывший коллега Федора... А что такое капитан Астахов? Бытие определяет сознание, сказали когда-то умные люди. Капитан занят погонями, перестрелками, засадами и убийствами, он всякого навидался. Откуда тут взяться толерантности? Кроме того, он воспитывает гражданскую жену Ирочку, легкомысленную модельку, с позволения сказать, из мастерской кутюрье Рощенко, Рощик для своих, которая далеко не подарок. Взять недавний случай! Любимая рубашка капитана... вспоминать не хочется! И главное, всегда одно и то же. Капитан уже и зарок себе давал, что его рубашки для Ирочки табу, но, когда она говорит, да ладно, Коля, давай я поглажу, он тает и снова подставляется. Почему «с позволения сказать»? Потому что Ирочка никакая не моделька, ей бы росточку добавить, сокрушается Рощик и при этом очень ее хвалит, говорит, без нашей Ирины как без рук. Старший, куда пошлют, называет статус Ирочки капитан, а еще пришей кобыле хвост! Он много чего говорит в том же духе, к счастью, Ирочка пропускает его словеса мимо

ушей и не закликивается — идеальные супружеские отношения, можно сказать. И никаких обид.

Федор Алексеев когда-то был оперативником, коллегой капитана Астахова, в настоящее время он преподаватель философии местного педагогического университета. Резко поменял род занятий и жизненный уклад, сбросил военный мундир и облачился в академическую тогу, так сказать, и до сих пор не уверен, что поступил правильно. Другими словами, он испытывает что-то вроде фантомных болей, скучает по оперативной работе и раздумывает, а не открыть ли свое собственное частное агентство. Савелий Зотов готов помочь финансово: «Ты только скажи, Федя!» Ладно, обещает Федор, я подумаю. Философия ему тоже нравится, по складу темперамента он мыслитель и аналитик. Студенты его любят, коллеги уважают. О нем в бурситете ходят легенды, все знают, что ни одно резонансное дело в городе не распутывается без Философа. Философ, как вы уже поняли, кличка Федора, придуманная студентами. Ребятишки взапуски обезьянничают, копируя манеру Федора расхаживать по аудитории, иронически подняв бровь, ожидая ответа на каверзный вопрос; а еще все обзавелись длинными черно-зелеными клетчатыми шарфами, длинными белыми плащами, а самые смелые замахнулись даже на шляпу с полями, из-за которой Федора можно узнать в любую погоду на любом расстоянии. Иногда Федор является на урок в черных очках, потом, забывшись, нечаянно снимает их, и все видят сочный синяк у него под глазом. Стон восхищения пролетает по аудитории — это значит, что Философ подрался с ооп — особо опасным преступником, и тогда вся группа в знак солидарности тоже надевает черные

очки. Представляете себе — вся аудитория в черных очках! Прямо тебе школа разведчиков или какое-нибудь шпионское гнездо.

Федор не женат и не собирается пока, хотя подруги у него случаются. Но как ни пытается поднаторевший в допросах свидетелей капитан выпросить его насчет «бабс», Федор умело уходит от ответов... не нужно забывать, что они бывшие коллеги и силы их примерно равны. Я не обсуждаю своих отношений с женщинами, высокомерно говорит Федор. Недаром его друг художник Щанский, не дурак выпить и подражаться, называет его поручиком Алексеевым. Мой друг, поручик Алексеев, говорит Виталия Щанский при случае и выдает очередную байку из походов бравого поручика, не имеющую ничего общего с реальностью, благо фантазия у него бурная, как и положено всякому человеку искусства.

Он сидел в «Белой сове», пил кофе, черкал в листах, задумывался, уставившись на пустой подиум. Он не заметил, как к его столику подошла женщина. Он очнулся, когда она опустилась на стул напротив, и только тогда поднял на нее глаза. Незнакомая, хорошо одетая молодая женщина с короткими темными волосами. Долгую минуту они смотрели друг на дружку, Федор в некотором замешательстве, женщина — с улыбкой.

— Федя, ты не узнаешь меня? — спросила она.

— Ния? — произнес он неуверенно, вглядываясь в нее. — Неужели? Откуда? На каникулы?

Она рассмеялась.

— Оттуда! Насовсем. — Она смотрела прямо ему в глаза. Не столько смотрела, сколько рассматривала, по-прежнему с улыбкой. — А ты не изменился, только

седина появилась, — сказала наконец. — Но так даже красиво. По-прежнему в полиции?

— Стареем, седеем. А ты изменилась, стала еще... лучше. Уже не в полиции, преподаю в университете.

— Преподаешь? Право?

— Нет, философию.

— Философию? — она рассмеялась. — С чего это тебя потянуло на философию? Разве сейчас философия в моде? Трудно представить себе, что современную молодежь может интересовать философия... она вроде мертвых языков. Сейчас в ходу технологии.

— Представь себе, случаются чудачки.

— Те, у которых по математике неуд? — поддразнила она.

Он тоже рассмеялся.

— В основном. Откуда ты взялась?

...Они встречались когда-то... когда же? Пятнадцать лет назад! Он был студентом юридического, она поступала туда же; они столкнулись лбами в вестибюле... Да, да, столкнулись буквально и буквально лбами. Она вскрикнула, уронила книжки и тетрадки, и оба ползали, подбирая их по всему вестибюлю.

Он хотел сказать что-то вроде: «И куда это тебя несет?» или «Мадам, и часто это с вами?» или еще что-нибудь такое же легкое и ироничное, определив с высоты студента старшего курса малявку-абитуриентку. Но они встретились глазами, и вся легкость и ирония мигом испарились. Глаза у нее были... если призвать на помощь поэзию, то цвет их был цветом вечернего луга, зеленовато-серый, а если не призывать, то цвет их был цветом зеленовато-коричневой ржавой стоячей воды

в опасной лесной топи, куда лучше не соваться, а то мигом увязнешь и тогда пиши пропало... пропал. В них была магия и тайна. Он засмотрелся и увяз. Очнувшись, помог ей подняться. Она разбила коленку, и он повел ее в медпункт, где обрадовавшаяся скучающая медсестра тетя Нюся налила на ранку перекиси. А он дул, чтобы не больно. Тетя Нюся, толстая, одышливая, окинула их объединяющим взглядом и подмигнула Федору.

— Как тебя зовут? — Тетя Нюся вытащила из стола толстую тетрадь и взяла ручку.

— Агния.

— А фамилия?

— Шульга.

— Адрес? — Тетя Нюся снова подмигнула Федору — не теряйся, мол, парень..

Он не растерялся. Он никогда не терялся и всегда знал, что сказать и что сделать. Добавьте сюда внешность — теплые карие глаза, темные волосы, приятная улыбка и фигура атлета. Кто бы устоял? У него не было постоянной подруги, так, случайные отношения, никуда не ведущие. И тут вдруг случилась Агния. Ния с глазами цвета болотного омута...

Он проводил ее домой. Они стали встречаться. Федор был не из тех, кто с ходу принимает решения, он обдумывает проблему со всех сторон, взвешивает, задает себе вопрос, что будет, если, и только тогда начинает действовать. Два его однокурсника женились, Федор счел их поступок неразумным, поспешным и нерациональным. Ему это не грозило, у него были планы на будущее, и он собирался карабкаться наверх налегке. У него были трезвая голова и аналитический ум, и он знал, чего хочет от жизни. Но человек предполагает, а

бог располагает, говорят умные люди. Федор влюбился. Они встречались два года, и как-то так само собой получилось, что будущее у них было одно на двоих. Никто из них не заговаривал ни о чем таком, но оба знали, что они вместе навсегда. Как оказалось впоследствии, это казалось одному Федору. Девчонки из его группы, например, были уверены, что Агния использует Федора, так как сама не тянет учебу по причине интеллектуальной заторможенности.

Он называл ее Ния... Как из научной фантастики, смеялась она. Она вообще смеялась охотно и часто, а он любовался. Она была радостной, шумной и легкомысленной, и ловить в юридическом ей было нечего. Оба это понимали. Федор был блестящим студентом, она же – посредственной студенткой. Профессор права Аркадий Семенович Ландау, руководитель дипломной Федора, поделился как-то с коллегой, что не понимает, как такой блестящий молодой человек, как Алексеев, мог... гм... подружиться с такой посредственностью, как эта... Шульга! Подобные женщины, изрек профессор, подняв в назидание указательный палец, называются роковыми и губят мужчин. Возьмите древнюю историю, сказал профессор, сколько прекрасных героев пало жертвами их козней и коварства! Далила и Самсон с отрезанными волосами, еще... Профессор пожевал губами. Еще Юдифь... та вообще отрезала любовнику голову. Правда, он был нехороший человек и заслужил. Кстати, оживился профессор, интереснейший историко-юридический казус: а имела ли место отрезанная голова? Или это аллегория, так сказать? Неясно. То ли быть, то ли легенда. Профессор задумался.

Федор действительно вел подругу через тернии учебы, натаскивая к семинарам, готовя курсовые, составляя списки книг, и прекрасно понимал при этом, что все напрасный труд. Это было не ее, хоть ты тресни! Она неплохо пела, танцевала в студенческом ансамбле, любила шумные развлечения и вечеринки. Агни, называл ее Федор. Индийский бог огня и домашнего очага. И если первое было верно, то второе под большим вопросом. Огонь. Только сунься, полыхнет и сожжет. Зачем она пошла на юридический, было загадкой до тех пор, пока Федор не узнал, что их декан приятель ее отца: сауна, дружба семьями, совместные праздники и выезды на природу.

Он прекрасно помнил тот день, когда она не пришла на занятия и не позвонила. На его звонки не отвечала. Она попросту исчезла. Он помчался к ней домой. Бабушка Нила Андреевна, привечавшая Федора, как будто смутилась. Пригласила войти, усадила за стол, порывалась бежать на кухню и кормить. Где Ния, спросил он. Что случилось? Агния уехала, сказала бабушка. Насовсем. Вчера. Разве она тебе не сказала? «Не сказала? Что?» — сумел выговорить он, огорошенный и недоумевающий. Агния выходит замуж за старого знакомого семьи, бизнесмена, он живет за границей, в Австрии. Он был здесь месяц назад, вот и сговорились.

Сговорились? Месяц назад? Замуж? Федор, великолепный, сильный, умный Федор был уничтожен. Она ни слова не сказала, они виделись позавчера, все было как обычно... Ему казалось, он сейчас заплачет, как мальчишка, от обиды и горя.

Бабушка сидела тихо, вздыхала, разглаживала скатерть старыми морщинистыми пальцами. Что-то не-

внятно бормотала о том, что жених в свое время очень помог отцу Агнии, он свой в семье, и теперь, когда его жена умерла...

— Поверь, Федя, так лучше, — сказала бабушка. — Агния — шальная, всегда была, ее нужно держать в руках, никогда не знаешь, что выкинет...

— А как же институт? — спросил он по-дурачки.

— Переведется на заочный, — сказала бабушка. — Как муж скажет, — добавила она, поджав губы, неизвестно что имея в виду. Похоже, выходка внучки ею не одобряться.

Вот и все. Как пришло, так и ушло. Как назвать то, что случилось? Подлостью? Коварством? Трусостью? Предательством? Или амур пердю и завяли апельсины?

Федор замкнулся, сразу повзрослел и перестал улыбаться. Налег на учебу. Взялся за ум, сказал профессор Ландау, повезло. Могло быть хуже, сказал профессор. Он мог сделать идиотскую глупость и жениться! Ничего, несчастная любовь хорошая прививка от жизненных невзгод в дальнейшем, сказал мудрый профессор.

...С тех пор прошло долгих пятнадцать лет. Федор не пытался... ничего не пытался. Ни узнать, где она, ни расспросить общих знакомых — может, пишет, и что пишет, ни узнать ее адрес. Ровным счетом ничего. Обида выжгла в сердце черную дыру, с течением времени дыра затянулась нежной полупрозрачной тканью, но никуда не делась — просвечивала. Пятнадцать лет... и вот она сидит напротив, с улыбкой смотрит на него. Как будто они расстались только вчера.

— Как ты? — спросила она. — Женат?